

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Факультет международных отношений
Кафедра международного частного и европейского права

Инструменты защиты при нарушении прав хозяйствующих субъектов на
внутреннем рынке ЕАЭС

Материалы международного научно-практического семинара,
Минск, 22 марта 2019 г.

Минск
2019

УДК 341.171+346.5(1-67)ЕАЭС(06)
И 726

Решение о депонировании вынес:
Совет факультета международных отношений
Протокол № 4 от 26 ноября 2019 г.

Авторы:

Газдюк Надежда Юрьевна, старший преподаватель кафедры
международного частного и европейского права ФМО БГУ;
Кугейко Ирина Вячеславовна, аспирант кафедры международного
частного и европейского права ФМО БГУ;
Кудрявец Юлия Николаевна, старший преподаватель кафедры
международного частного и европейского права ФМО БГУ;
Куницкая Ольга Михайловна, к.ю.н., доцент кафедры финансового права и
правового регулирования хозяйственной деятельности ЮФ БГУ.

Ответственный редактор:
Ю. Н. Кудрявец

Рецензенты:

Довгань Е. Ф., доктор юридических наук, профессор кафедры
международного частного и европейского права
факультета международных отношений БГУ;
Чудаков М. Ф., доктор юридических наук, профессор кафедры
конституционного и административного права Академии управления при
Президенте Республики Беларусь.

Инструменты защиты при нарушении прав хозяйствующих
субъектов на внутреннем рынке ЕАЭС : материалы междунар. научно-
практического семинара, Минск, 22 марта 2019 г. / [Н. Ю. Газдюк и др. ;
отв. ред. Ю. Н. Кудрявец] ; БГУ, Фак. международных отношений, Каф.
международного частного и европейского права. – Минск : БГУ, 2019. – 41
с. – Библиогр. в тексте.

В сборник помещены научные материалы, доклады и статьи
участников международного научно-практического семинара,
посвященные вопросам наднационального правового регулирования,
создания правовой основы общего рынка и реализации защиты прав
хозяйствующих субъектов ЕАЭС.

Адресуется научным работникам и исследователям, занимающимся
правом интеграционных образований, преподавателям вузов, аспирантам и
студентам.

**УНИФИКАЦИЯ И ГАРМОНИЗАЦИЯ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА
ГОСУДАРСТВ–ЧЛЕНОВ ЕАЭС В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
СВОБОДЫ УЧРЕЖДЕНИЯ, ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ**

Н.Ю. Газдюк

*Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь, n.gazdyk@bsu.by*

Аннотация. В статье сравниваются правовые подходы в отношении понятий «унификации» и «гармонизации» в контексте Договора о Евразийском экономическом союзе и обозначается позиция автора относительно перспектив гармонизации как основного правового механизма современного этапа интеграции. Автор определяет, что приоритетными направлениями гармонизации корпоративного права государств-членов ЕАЭС на данном этапе должны стать следующие направления: обеспечение прозрачности трансграничной деятельности компаний, а также содействие трансграничной мобильности юридических лиц посредством внедрения на региональном уровне института редомицилирования компаний и возможности трансграничной реорганизации юридических лиц в форме слияния, присоединения, разделения, выделения.

Ключевые слова: гармонизация корпоративного права, Евразийский экономический союз, инвестиции, общий рынок ЕАЭС, унификация права, учреждение.

**UNIFICATION AND HARMONIZATION OF CORPORATE LAW OF
EAEU MEMBER STATES IN THE CONTEXT OF ENSURING
FREEDOM OF INSTITUTION, ACTIVITY, AND IMPLEMENTATION
OF INVESTMENTS**

N.Yu. Gazdyuk

*Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus, n.gazdyk@bsu.by*

Summary. The article compares legal approaches to the concepts of “unification” and “harmonization” in the context of the Treaty on the Eurasian Economic Union and outlines the author’s position on the prospects for harmonization as the main legal mechanism of the current stage of integration. The author determines that the priority areas for harmonizing the corporate law of the EAEU member states at this stage should be the following: ensuring transparency of the cross-border activities of companies, as well as promoting cross-border mobility of legal entities through the introduction of the institution of redomiciling companies at the regional level and the possibility of cross-border reorganization of legal entities in the form mergers, affiliations, divisions, allotments.

Key words: harmonization of corporate law, Eurasian Economic Union, investments, EAEU common market, unification of law, incorporation.

В качестве одной из основных целей ЕАЭС Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС) устанавливает стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза (ст. 4 Договора о ЕАЭС). Безусловно, достижение указанной цели невозможно без установления единообразного правового режима для юридических лиц государств-членов, которые являются основными участниками международного торгового оборота.

Основными правовыми механизмами установления единообразных правил являются гармонизация и унификация законодательства государств-членов ЕАЭС. Согласно ст. 2 Договора о ЕАЭС под **гармонизацией законодательства** понимается сближение законодательства государств-членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах. В свою очередь **унификация законодательства** определяется как сближение законодательства государств-членов, направленное на установление идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах, определенных Договором о ЕАЭС.

Исходя из дефиниций указанных понятий, можно сделать вывод, что на современном этапе интеграции основным правовым механизмом для государств-членов пока остается гармонизация, в то время как унификация предполагается только в сферах, прямо определенных в Договоре о ЕАЭС.

Что касается либерализации торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций, то согласно п. 1 ст. 67 Договора о ЕАЭС она осуществляется с учетом международных принципов и стандартов путем **гармонизации законодательства** государств-членов и организации взаимного административного сотрудничества компетентных органов государств-членов. Таким образом, по указанному вопросу государства-члены ЕАЭС ориентированы прежде всего именно на гармонизацию своих национальных законодательств.

Нормы о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций содержатся главным образом в разделе XV Договора о ЕАЭС, а также в Протоколе о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (далее – Протокол № 16).

Следует отметить, что объектом непосредственного регулирования норм раздела XV Договора о ЕАЭС и Протокола № 16 является не деятельность физических и юридических лиц, а меры государств-членов, затрагивающие поставку и получение услуг, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций (п. 2 ст. 65 Договора о ЕАЭС, п. 2 Протокола № 16), под которыми понимаются законодательство государства-члена, а также любое решение, действие или бездействие органа или должностного лица этого государства-члена, которые приняты или применяются на любом уровне государственной власти, органами местного самоуправления или организациями при осуществлении ими полномочий, делегированных им такими органами (п. 6 (11) Протокола № 16). Таким образом, Договор о ЕАЭС и Протокол № 16 относятся к так называемым «публично-правовым международным соглашениям», адресатами которых являются публично-правовые образования – государства-члены ЕАЭС и их органы.

Вместе с тем, полагаем, что для достижения целей ЕАЭС (ст. 4 Договора о ЕАЭС) и обеспечения свободы учреждения, деятельности и осуществления инвестиций необходима гармонизация не только публично-правовых норм, регулирующих указанные отношения, но и частноправовых, непосредственно регулирующих правовой статус юридических лиц как участников гражданского оборота (далее – корпоративное право).

Подтверждением могут служить следующие примеры.

Согласно п. 6 (24) Протокола № 16 в качестве одной из форм учреждения указывается открытие филиала, под которым понимается

обособленное подразделение юридического лица, расположенное вне места его нахождения и осуществляющее все его функции или их часть, в том числе функции представительства (п. 6 (26) Протокола № 16). Вместе с тем, белорусское гражданское законодательство не предусматривает возможность открытия на территории Республики Беларусь филиалов иностранных организаций, в том числе и организаций государств-членов ЕАЭС.

В качестве одной из характеристик единого рынка услуг указывается наличие возможности осуществлять поставку услуг без дополнительного учреждения в форме юридического лица (п. 38 Протокола № 16). Подобная формулировка позволяет некоторым авторам делать вывод, что в рамках единого рынка услуг субъектам хозяйствования предоставлена возможность оказывать свои услуги на территории другого государства-члена без учреждения в форме юридического лица, однако не исключается необходимость открытия представительства или филиала [1]. Однако белорусское законодательство не предусматривает возможности открытия на территории Республики Беларусь филиалов иностранных организаций. Что же касается деятельности представительств коммерческих иностранных организаций на территории Республики Беларусь, то она может носить только подготовительный и вспомогательный характер (п. 8 Положения о порядке открытия и деятельности в Республике Беларусь представительств иностранных организаций, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30.05.2018 № 408).

Таким образом, значимость гармонизации частноправовых норм корпоративного права государств-членов ЕАЭС очевидна. Справедливость данного вывода подтверждается и тем фактом, что в марте 2019 г. Евразийская экономическая комиссия начала изучать вопрос о создании в рамках ЕАЭС наднациональных компаний и перспективах формирования евразийского корпоративного права [2]. Как отметил в одном из интервью Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии Т. Саркисян, сейчас Комиссия изучает правовой статус наднациональных европейских компаний, опыт Европейского союза в формировании правового поля и введения инструментов для свободного передвижения не только товаров, но и компаний с точки зрения его имплементации в наше союзное право [3].

Как справедливо отмечается в литературе, традиционно корпоративное право всегда относилось к сфере, «замкнутой» в рамках конкретной правовой системы. Даже присутствие идентичных наименований организационно-правовых форм в разных государствах не означает идентичности их содержания [4, с. 227]. Это утверждение справедливо и для государств–членов ЕАЭС. Если изначально после распада СССР их национальное корпоративное право характеризовалось общностью, обусловленной следованием положениям Модельного гражданского кодекса СНГ, то в течение почти 30 лет независимости оно претерпело значительные изменения, обусловленные особенностями экономического и политического развития, потребностями гражданского оборота и развитием правовой мысли в каждом государстве.

В качестве примера можно привести следующее. Одной из главных задач корпоративного права любого государства является защита прав и законных интересов кредиторов юридического лица. Вместе с тем, национальное законодательство государств-членов ЕАЭС устанавливает разную очередность удовлетворения требований кредиторов при ликвидации юридического лица. Так, согласно белорусскому законодательству удовлетворение требований кредиторов по обязательствам, обеспеченным залогом имущества ликвидируемого юридического лица (т.е. залоговых кредиторов), производится в третью очередь, наряду с погашением задолженности по платежам в бюджет и государственные внебюджетные фонды (п. 1 ст. 60 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Согласно казахскому и кыргызскому законодательству требования залоговых кредиторов также удовлетворяются в третью очередь, но перед платежами в бюджет и государственные внебюджетные фонды, которые отнесены к четвертой очереди погашения (п. 1 ст. 51 Гражданского кодекса Республики Казахстан, п. 1 ст. 99 Гражданского кодекса Кыргызской Республики). Согласно же армянскому законодательству требования залоговых кредиторов удовлетворяются в первую очередь, т.е. не только перед обязательными платежами в бюджет и государственные внебюджетные фонды, но даже до требований физических лиц, перед которыми ликвидируемое юридическое лицо несет ответственность за причинение вреда их жизни или здоровью, а также до осуществления расчетов по выплате выходных пособий и оплате труда лиц, работающих по трудовому договору, и по выплате вознаграждений по авторским договорам (п. 1

ст. 70 Гражданского кодекса Республики Армения). Законодательство Российской Федерации требования залоговых кредиторов не относит к какой-либо очереди, однако предусматривает, что их требования удовлетворяются за счет средств, полученных от продажи предмета залога, преимущественно перед иными кредиторами, за исключением обязательств перед кредиторами первой и второй очереди, права требования по которым возникли до заключения соответствующего договора залога. Не удовлетворенные за счет средств, полученных от продажи предмета залога, требования залоговых кредиторов удовлетворяются в составе требований кредиторов четвертой очереди (п. 2 ст. 64 Гражданского кодекса Российской Федерации).

С признанием необходимости проведения гармонизации в рассматриваемой сфере возникает вопрос о ее пределах и основных направлениях. Так, некоторые авторы полагают, что необходимо унифицировать и гармонизировать не только корпоративные правоотношения, но и правоотношения, неразрывно связанные с ними. При этом предлагается гармонизировать законодательство, регулирующее правоотношения в сфере создания, деятельности, реорганизации и ликвидации корпораций для формирования единого правового пространства, включая: 1) использование общих ключевых понятий, применяемых национальными законодательствами, таких как «корпоративная организация (корпорация)» и «корпоративный спор»; 2) использование единообразных процедур регистрации и ликвидации корпораций; 3) использование общей классификации корпораций при учете разделения их на так называемые частные и публичные; 4) принятие общих стандартов раскрытия ключевой информации крупными корпорациями, состоящих из отчета о конечных собственниках юридических и физических лицах (контролирующих лицах), финансово-инвестиционной информации (на основе международных стандартов финансовой отчетности (МСФО) или на основе разработанных новых высокоэффективных стандартов, связанных с корпоративными стандартами); 5) принятие общих правил правового регулирования вопросов, необходимых для ясного и прозрачного корпоративного управления (общий для всех государств-членов ЕАЭС кодекс корпоративного управления); 6) принятие общих норм, регулирующих институт корпоративного (акционерного) соглашения; 7) сближение норм процессуального законодательства в сфере рассмотрения корпоративных

споров; 8) применение общих принципов антимонопольного регулирования, применение единых критериев к понятийному аппарату в этой области, единых подходов к правовому регулированию вопросов слияния и поглощения [5, с. 126; 6, с. 15–16].

Вместе с тем, признавая необходимость проведения гармонизации корпоративного права государств-членов ЕАЭС, полагаем, что на данном этапе интеграции полная унификация или гармонизация корпоративного права государств-членов ЕАЭС является не только невозможной, но и ненужной. Представляется, что правильный подход был найден государствами-членами Европейского союза, которые ориентировались на отдельные направления, имеющие наибольшее значение для европейской интеграции [4, с. 236–246].

Полагаем, что при гармонизации частноправовых норм следует руководствоваться такими принципами проведения либерализации торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций, закрепленными в п. 2 ст. 67 Договора о ЕАЭС, как **«пропорциональность»** (необходимость и достаточность уровней гармонизации законодательства государств-членов и взаимного административного сотрудничества для эффективного функционирования рынка услуг, учреждения, деятельности или осуществления инвестиций) и **«экономическая целесообразность»** (проведение в рамках формирования единого рынка услуг, либерализации торговли услугами в приоритетном порядке в отношении секторов услуг, в наибольшей степени влияющих на себестоимость, конкурентоспособность и (или) объемы производимых и реализуемых на внутреннем рынке ЕАЭС товаров), а также одной из основных целей корпоративного права – целью защиты прав и законных интересов кредиторов юридического лица.

Исходя из вышесказанного, полагаем, что приоритетными направлениями гармонизации корпоративного права государств-членов ЕАЭС на данном этапе должны стать следующие направления.

Во-первых, обеспечение транспарентности трансграничной деятельности компаний, в частности, гармонизация некоторых правил, касающихся порядка ведения и предоставления информации из национальных регистров государственной регистрации юридических лиц (далее – торговые регистры) и создание в сети Интернет единого портала объединенных национальных торговых регистров.

Национальные торговые регистры функционируют во всех государствах–членах ЕАЭС, однако имеют разные названия, находятся в компетенции различных государственных органов, содержат разный перечень информации о юридическом лице, а также разный порядок и условия ее предоставления, в том числе разный перечень и объем информации, предоставляемой бесплатно.

Полагаем, что функционирование единого рынка невозможно без предоставления участникам трансграничной деятельности возможности получения полной и своевременной информации о своих иностранных контрагентах.

Во-вторых, содействие трансграничной мобильности юридических лиц посредством внедрения на региональном уровне института **редомицилирования** компаний и возможности трансграничной реорганизации юридических лиц в форме слияния, присоединения, разделения, выделения.

Под редомицилированием (редомициляцией) понимается изменение личного закона юридического лица без ликвидации юридического лица, т.е. без потери правосубъектности.

В настоящее время такой институт закреплен в национальном праве Армении (ст. 59.1–59.3 Гражданского кодекса Республики Армения). Он включает возможность редомициляции как иностранных юридических лиц в Республике Армения, так и юридических лиц Республики Армения в иностранных государствах.

Законодательство Российской Федерации предусматривает возможность государственной регистрации т.н. «международной компании» в порядке редомициляции на территории специальных административных районов на территориях Калининградской области и Приморского края (ст. 7 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края»).

Несмотря на то, что подготовительные работы по гармонизации корпоративного права государств–членов ЕАЭС уже начаты, остается вопрос о правовых инструментах гармонизации, которые могли бы быть отнесены к праву ЕАЭС (ст. 6 Договора о ЕАЭС).

Как справедливо отмечает Ю.Н. Кудрявец в настоящее время еще нельзя утверждать о наднациональном правовом регулировании международных частнопровых отношений в рамках ЕАЭС [8, с. 121].

Представляется, что данное обстоятельство обусловлено, в том числе тем фактом, что в Договоре о ЕАЭС отсутствуют нормы, которые бы прямо указывали на наличие у самого ЕАЭС и его органов (Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии) компетенции по регулированию частноправовых (в т.ч. корпоративных) отношений. Учитывая данное обстоятельство, полагаем, что на сегодняшний день не только наиболее эффективным, но и наиболее легитимным инструментом гармонизации корпоративного права государств–членов ЕАЭС могут стать т.н. международные договоры в рамках ЕАЭС, заключаемые государствами–членами по вопросам правового регулирования корпоративных отношений.

В заключение хотелось бы отметить, что при проведении работы по гармонизации законодательства государств–членов ЕАЭС следует учитывать положительный опыт Европейского союза, однако, использовать его необходимо с учетом особенностей евразийской экономической интеграции.

Список источников:

1. Захаров, В. Е. Актуальные вопросы Евразийского экономического союза: в 3-х ч. / В. Е. Захаров. – Ч. 2 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Интервью Председателя Коллегии ЕЭК Тиграна Саркисяна ИА Интерфакс: «Нам хотелось бы, чтобы наднациональные предприятия появились в ЕАЭС как можно быстрее» [Электронный ресурс] / Евразийская экономическая комиссия, 2019. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/21-03-2019-5V.aspx>. – Дата доступа: 10.05.2019.

3. Тигран Саркисян: «Юридические решения, которые принимались в Евросоюзе при формировании наднациональных институтов, интересны для ЕЭК» [Электронный ресурс] / Евразийская экономическая комиссия, 2019. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/16-04-2019-2.aspx>. – Дата доступа: 10.05.2019.

4. Царева, Л. В. Основные направления развития европейского корпоративного права / Л. В. Царева // Международная конференция

«Европейский Союз и Республика Беларусь: перспективы сотрудничества» = International conference «The European Union and Republic of Belarus: Getting Closer for Better Future»: сб. мат-лов. — Минск: Изд. центр БГУ, 2014. — С. 227 – 231.

5. Власов, А. А., Унификация и гармонизация частноправового законодательства в государствах членах Евразийского экономического союза / А. А. Власов, Е. А. Мальгинов // Ученые труды РААН. – 2018. – №1 (48). – С. 124 – 127.

6. Мальгинов, Е. А. Регулирование корпоративных правоотношений в Российской Федерации и государствах-членах Евразийского экономического союза: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Е. А. Мальгинов. – М., 2017. – 32 с.

7. Царева, Л. В. Инициативы Еврокомиссии по модернизации европейского корпоративного права / Л. В. Царева // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права : сб. науч. тр. – Вып. 6. – Минск, 2014. – С. 236 – 246.

8. Кудрявец, Ю. Н. Наднациональное регулирование в ЕАЭС и источники международного частного права / Ю. Н. Кудрявец // Беларусь в современном мире : мат-лы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 96-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2017 г. / редкол. : В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. — С. 120 – 121.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВА ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СУДОМ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

И. В. Кугейко

*Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь, irina.kugeiko469i@gmail.com
науч. рук. Михалева Т. Н., канд. юр. наук, доц.*

Аннотация. В статье анализируются договорно-правовые нормы, регулирующие применение Соглашений Всемирной торговой организации (далее - ВТО) Судом Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС), а также позиция Суда ЕАЭС по данному вопросу. В работе

исследуются подходы в вопросе соотношения права ВТО и соглашений о региональной интеграции (дуалистический и монистический); иерархия договорно-правовых норм Соглашений ВТО и региональных торговых соглашений; возможность разрешения Судом ЕАЭС спора на основании Соглашений ВТО. При разрешении спора Судом ЕАЭС на основании права ВТО могут возникнуть некоторые сложности: многочисленная практика ОРС ВТО является весьма важным элементом при разрешении споров; возможен конфликт юрисдикций.

Ключевые слова: Всемирная торговая организация, региональное торговое соглашение, Суд Евразийского экономического союза, конкуренция юрисдикций, международные межгосударственные судебные органы.

APPLICATION OF THE RIGHT OF THE WORLD TRADE ORGANIZATION BY THE COURT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

I. V. Kugeiko

Belarusian State University,

Minsk, Republic of Belarus, irina.kugeiko469i@gmail.com

scientific adviser Mikhaleva T.N., Ph.D. Juridical sciences, Assoc. Prof.

Summary. The article analyzes the legal provisions governing the application of the World Trade Organization Agreements (hereinafter - the WTO) by the Court of the Eurasian Economic Union (hereinafter - the EAEU Court), as well as the position of the EAEU Court on this issue. The paper investigates approaches to the relationship between WTO law and regional integration agreements (dualistic and monistic); hierarchy of legal provisions of the WTO Agreements and regional trade agreements; the possibility of the EAEU Court resolving the dispute on the basis of the WTO Agreements. When resolving a dispute by the EAEU Court on the basis of WTO law, some difficulties may arise: the numerous practice of the WTO OCR is a very important element in resolving disputes; conflict of jurisdictions possible.

Keywords: World Trade Organization, regional trade agreement, Court of Eurasian Economic Union, competing jurisdictions, international interstate judicial bodies.

В настоящее время практически все государства вовлечены в интеграционные процессы. Региональные торговые соглашения являются характерной чертой современной многосторонней системы. На данный момент ВТО насчитывает 164 члена, а после подписания в 2015 г. соглашения о создании зоны свободной торговли и соглашения об экономической интеграции между Монголией и Японией все без исключения члены ВТО участвуют в преференциальных торговых соглашениях. С этой связи представляется актуальным вопрос о соотношении Соглашений ВТО и региональных торговых соглашений, особенно в части применения права ВТО в судах региональных интеграционных организациях.

Еще в рамках Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации в 2011 г. был подписан Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы (далее – Договор о функционировании ТС) [1, Приложение № 31]. Данный Договор определяет статус положений норм права ВТО в правовой системе Таможенного союза.

Согласно п. 1 ст. 1 Договора о функционировании ТС «с даты присоединения любой из Сторон к ВТО положения Соглашения ВТО, как они определены в Протоколе о присоединении этой Стороны к ВТО, включающем обязательства, взятые в качестве условия ее присоединения к ВТО и относящиеся к правоотношениям, полномочия по регулированию которых в рамках Таможенного союза делегированы Сторонами органам Таможенного союза, и правоотношениям, урегулированным международными соглашениями, составляющими договорно-правовую базу Таможенного союза, становятся частью правовой системы Таможенного союза». В п. 1 ст. 2 предусматривается, что «стороны примут меры для приведения правовой системы Таможенного союза и решений его органов в соответствие с Соглашения ВТО, как это зафиксировано в Протоколе о присоединении каждой из Сторон, включая обязательства каждой стороны, принятые Сторонами в качестве условий их присоединения к ВТО. До того, как эти меры приняты, положения Соглашения ВТО, включая обязательства, принятые Сторонами в качестве условий их присоединения к ВТО, имеют приоритет перед соответствующими положениями международных договоров,

заключенных в рамках Таможенного союза, и решений, принятых его органами». Таким образом, данный договор закрепляет приоритет норм права ВТО и обязательств члена (членов) ЕАЭС, который уже стал членом ВТО, по отношению к соответствующим положениям норм права ЕАЭС, содержащихся в международных договорах, заключенных в рамках ЕАЭС, в документах, принятых его органами.

Возникает два вопроса: 1) существует ли иерархия договорно-правовых норм; 2) вправе ли Суд ЕАЭС разрешать спор на основании права ВТО.

Рассматривая вопрос о применении права ВТО Судом ЕАЭС нельзя не упомянуть подходы в вопросе соотношения права ВТО и соглашений о региональной интеграции. Согласно исследователю Николаосу Лавраносу (англ. Nikilaos Lavranos) существует два подхода. Первый заключается в том, что ВТО предоставляет своим членам право на создание региональных интеграционных объединений, но только в той степени, в которой они образуют по отношению к ВТО подсистему (монистический подход). Таким образом, устанавливается приоритет ВТО по отношению к региональным объединениям. В соответствии со вторым, дуалистическим подходом, ВТО и региональные объединения друг от друга независимы. Их деятельность характеризуется, с одной стороны, сотрудничеством и взаимодополнением, а с другой – конкуренцией. По мнению Н. Лавраноса, второй подход является более верным, поскольку ДРС не устанавливает приоритета механизма урегулирования споров в рамках ВТО над процедурами разрешения споров, действующими в рамках региональных интеграционных объединений. Поэтому, на практике между ними не может быть формальной иерархии: они должны иметь одинаковую силу [2, с. 240]. А.С. Смбатян, исследуя этот вопрос, также приходит к выводу о реалистичности дуалистического подхода, указывая при этом, что нормативно-правовая база соглашений о региональной экономической интеграции очень тесно связана с правилами ВТО, поскольку последние регулируют большинство областей, связанных с международной торговлей товарами, услугами, защиты интеллектуальной собственности и инвестиций [3, с. 79].

В деле № 1-7/2-2013 (ПАО «Новокраматорский машиностроительный завод») Суд ЕврАзЭС пришел к выводу, что международные договоры, заключенные в рамках Таможенного союза, являются специальными по отношению к договорам, заключенным в рамках ВТО, как регулирующие

отношения исключительно в рамках Таможенного союза. При этом Суд ЕАЭС указал, что право ВТО является *lex generalis*, а правовая система Таможенного союза – *lex specialis* [4]. Также Суд ЕврАзЭС определил последовательность установления взаимосвязи международно-правовых норм регионального и универсального характера: а) иерархия договорно-правовых норм отсутствует; б) в толковании договорных норм действуют правила общего международного права, закрепленные в Венской конвенции; в) обязательства по правилам ВТО имеют приоритет лишь в случае, если обязательства по правилам ТС будут им противоречить [5, с. 115]. Суд отказал заявителю в иске, не усмотрев в рассматриваемом деле противоречий между актом комиссии и правом ВТО. Тем не менее, хотя Суд ЕврАзЭС это явно не сформулировал, пока складывается впечатление, что Суд ЕврАзЭС на сегодняшний день допускает для себя принципиальную возможность применять право ВТО [6, с. 79].

Исходя из договорно-правовой базы ЕАЭС, иерархия соответствующих норм отсутствует, что подтверждается практикой Суда ЕАЭС. Однако Соглашения ВТО и обязательства члена ЕАЭС, который уже стал членом ВТО, по отношению к соответствующим положениям норм права ЕАЭС имеют приоритет до закрепления оспариваемых норм в праве ЕАЭС. Более того, в науке международного права давно закрепился тезис о том, что в международном праве иерархия отсутствует в принципе, и способом разрешения спора применимости норм права являются два основных принципа – *lex specialis derogat generalis*, а также *lex posterior derogat priori* [7].

Отсутствие иерархии не означает невозможность применения права ВТО Судом ЕАЭС. Так, Суд ЕАЭС рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС), международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза (пп. 1 п. 39 Статута Суда ЕАЭС) [1, Приложение №2]. Суд при осуществлении правосудия применяет международные договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государства-стороны спора (пп. 2 п. 50 Статута Суда ЕАЭС).

По утверждению Д.С. Боклан, Соглашения ВТО нельзя отнести к международным договорам в рамках Союза или же к иным международным договорам, участниками которых являются государства стороны-спора [8, с. 231]. Так, согласно ст. 2 Договора о ЕАЭС,

международный договор в рамках союза – это международный договор, заключаемый между государствами-членами по вопросам, связанным с функционированием и развитием Союза. Но ведь Соглашения ВТО не применяются сами по себе. Право ВТО применяется на основании Договора о функционировании ТС, т.е. на основании международного договора в рамках Союза. Следует отметить, что объем права ВТО, которое действительно входит в правовую систему Союза, подлежит установлению в каждом конкретном случае. Договор о функционировании ТС указывает 1) на сферы, полномочия по регулированию которых делегированы органам Союза, а также 2) на правоотношения, урегулированным международными соглашениями, составляющими договорно-правовую базу таможенного союза [8, с.178].

Что же касается категории «иные международные договоры, участниками которых являются государства-стороны спора», Д.С. Боклан приводит в поддержку доводов решение от 21.06.2016 Суда ЕАЭС по жалобе ЗАО «Дженерал Фрейт», в котором Суд ЕАЭС установил критерии, необходимые для применения *международного договора, не являющегося международным договором в рамках Союза* [9]. В решении указывается на необходимость двух кумулятивных условий, которым должен соответствовать международный договор, не являющийся договором в рамках Союза, а именно: членство всех государств ЕАЭС в таком договоре и чтобы сфера действия такого договора относилась к области единой политики в рамках ЕАЭС. На сегодняшний день даже по первому критерию соглашения ВТО нельзя отнести к иным международным договорам, участниками которых являются государства стороны-спора, поскольку Беларусь не является участником соглашений ВТО [10, с. 231].

Данный подход Суда ЕАЭС противоречит пп. 2 п. 50 Статута Суда ЕАЭС, в котором указано, что Суд при осуществлении правосудия применяет *иные международные договоры, участниками которых являются государства-стороны спора*, а не государства-участники такого международного договора. К тому же, возвращаясь к Договору о функционировании ТС, с момента присоединения первого государства-члена ЕАЭС к ВТО, Соглашения ВТО становятся частью правовой системы ТС.

Последующая практика Суда ЕАЭС не исключает возможность применения права ВТО ввиду его интегрированности в правовую систему Союза [11].

Таким образом, Суд ЕАЭС вправе разрешать спор на основании Соглашений ВТО. Тем не менее, следует отметить некоторые сложности, которые могут возникнуть в ходе применения Соглашений ВТО. Несмотря на то, что решение ОРС ВТО не имеет силу прецедента, доклады третейских групп и Апелляционного органа содержат ссылки на ранее принятые решения, что способствует обеспечению предсказуемости многосторонней торговой системы [12]. На практике это означает невозможность применять право ВТО в отрыве от практики ОРС ВТО. Из-за большого массива судебной практики, представляется, что Суд ЕАЭС не сможет должным образом применять право ВТО.

Другой проблемой применения права ВТО Судом ЕАЭС является возможный конфликт юрисдикции ОРС ВТО и Суда ЕАЭС. При наличии в совокупности следующих условий может возникнуть конфликт юрисдикций: 1) сторонами спора в Суде ЕАЭС и ОРС ВТО будут государства-члены ВТО; 2) Суд ЕАЭС разрешит спор на основании Охваченных соглашений; 3) решения ОРС ВТО и Суда ЕАЭС будут противоречить друг другу [13, с. 21].

Список источников:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе: [подписан в г. Астане 29.05.2014] (ред. от 08.05.2015). // Офиц. сайт Евраз. эконом. комиссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/>. – Дата доступа: 20.04.2019.

2. Lavranos, N. The Brazilian Tyres Case : Trade Supersedes Health / N. Lavranos // Trade, Law and Development. - 2009. - Vol. 1. - № 2. - P. 230-258.

3. Сибатян, А. С. ВТО и региональные интеграционные объединения : соотношение «правовых сил» в урегулировании торговых споров / А.С. Сибатян // Российск. внешнеэконом. вестник. - 2011. - №8. - С. 74 - 82.

4. Решение Суда Евразийского экономического сообщества по делу по заявлению ПАО «Новокраматорский машиностроительный завод» против Евразийской экономической комиссии от 24 июня 2013 года // Сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635100981802316833.pdf>. – Дата доступа: 20.04.2019.

5. Нешатаева, Т. Н. К вопросу о создании Евразийского союза: интеграция и наднационализм / Т.Н. Нешатаева // Закон .— 2014 .— №6 .— С. 108-121.

6. Исполинов А. С. Вопросы прямого применения права ВТО в правовом порядке Российской Федерации / А. С. Исполинов // Законодательство. – 2014. – №2. – С. 68-79.

7. Koskenniemi M. Fragmentation of International Law: Difficulties Arising from the Diversification and Expansion of International Law // The website of UN Office of Legal Affairs [Electronic resource]. – Mode of access: http://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_1682.pdf. - Date of access: 20.04.2019.

8. Михалева, Т. Н. Правовое регулирование региональной экономической интеграции: вызовы и перспективы / Т. Н. Михалева. – Минск : Институт радиологии, 2016. – 194 с.

9. Решение Коллегии Суда ЕАЭС по делу ЗАО «Дженерал Фрейт» от 04.04.2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://courteurasian.org/doc-15423>. – Дата доступа: 20.04.2019.

10. Боклан, Д. С. Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: соотношение правовых режимов / Д.С. Боклан // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 2. – С. 233–236.

11. Особое мнение судьи Сейтимовой В.Х. по делу № СЕ-2-2/2-17-БК) от 30 окт. 2017 // Сайт Суда Евраз. эконом. союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://courteurasian.org/>. – Дата доступа: 20.04.2019.

12. Understanding on Rules and Procedures Governing the Settlement of Disputes, concluded 15 April 1994 [Electronic resource] // The official website of the World Trade Organization : [www.wto.org]. – Mode of access : https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/28-dsu_e.htm. – Date of access: 20.04.2019.

13. Кугейко, И. В. Сравнительная характеристика механизмов разрешения споров в рамках Всемирной торговой организации и Евразийского экономического союза / И. В. Кугейко // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов / Белорус. гос. ун-т, Фак. междунар. отношений ; редкол. : В.Г. Шадурский [и др.], сост. : С. В. Анцух. – Минск, 2019. – Вып. 21. – С. 19–21.

ГОТОВНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА К НАДНАЦИОНАЛЬНОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ В РАМКАХ ЕАЭС

Ю. Н. Кудрявец

*Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь, kudravets@bsu.by*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы соответствия административных мер и ограничений, закрепленных национальным законодательством, документам Евразийского экономического союза. Анализ начинается понятия наднациональности в праве. Далее дается обзор последних изменений в законодательстве о валютном регулировании и валютном контроле стран-членов ЕАЭС. Акцент делается на конкретных барьерах и препятствиях по использованию иностранной валюты во внешнеторговых контрактах. Делаются выводы о целесообразности субсидиарного использования международно-правового уровня правового регулирования при формировании права ЕАЭС. Результаты исследования будут полезны при разработке мероприятий, направленных на совершенствование правового регулирования расчетов с использованием иностранной валюты на территории Евразийского экономического союза и сотрудничества государств-членов ЕАЭС во внешнеэкономической сфере.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, ЕАЭС, меры административного регулирования, наднациональность, национальное законодательство стран-членов ЕАЭС, ограничения.

READINESS OF NATIONAL LEGISLATION FOR THE NATIONAL DOCUMENT REGULATION IN THE FRAMEWORK OF THE EAEU

Yu. N. Kudravets

*Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus, kudravets@bsu.by*

Summary. The article discusses the problems of compliance of administrative measures and restrictions established by national legislation with

documents of the Eurasian Economic Union. The analysis begins with the concept of supranationality in law. The following is an overview of recent changes in the legislation on currency regulation and currency control of the EAEU member countries. The emphasis is on specific barriers and obstacles to the use of foreign currency in foreign trade contracts. Conclusions are made about the appropriateness of the subsidiary use of the international legal level of legal regulation in the formation of the EAEU law. The results of the study will be useful in developing measures aimed at improving the legal regulation of settlements using foreign currency in the territory of the Eurasian Economic Union and cooperation of the EAEU member states in the foreign economic sphere.

Keywords: Eurasian Economic Union, EAEU, administrative regulation measures, supranationality, national legislation of EAEU member countries, restrictions.

Суть наднационального регулирования состоит в том, что государства, входящие в интеграционное образование (или международную организацию) обязаны или вынуждены подчиняться нормам, принятым самим интеграционным образованием (международной организацией) на основании ее уставной правосубъектности, т. е. нормам, созданным или вступившим в силу без их согласия.

В литературе высказываются различные суждения о сущности наднациональности и наднационального правового регулирования. Так, наднациональность возникает тогда, когда некое интеграционное образование (международная организация) получает возможность обязывать своими конкретными действиями стоящие у его истоков государства, не заручаясь их согласием на это в каждом отдельно взятом случае, т. е. приобретает в отношении них определенный объем самостоятельных распорядительных полномочий и за счет этого как бы «возносится» над ними [1]. Автор отмечает, что такого подхода нет даже в Европейском союзе. Таким образом, наднациональность формируется, во-первых, государствами, во-вторых, в рамках международного объединения (международной организации).

Понятие «наднациональность» в литературе характеризуется следующими признаками: передача государствами-членами части своих суверенных полномочий международной организации; наделение данной

международной организации соответствующей компетенцией по реализации переданных ей полномочий; определенная степень независимости от государств-членов в решении тех или иных проблем, находящихся в ее компетенции; принятие решений на основе консенсуса или большинства голосов; обязательный характер решений, которые имеют приоритет над национальными законами, и для их вступления в силу не требуется предварительной ратификации на национальном уровне; решения касаются прав и обязанностей не только государств, но также их граждан и юридических лиц – резидентов; существование эффективной системы судебной защиты таких решений и системы исполнительного производства и др. [2, с. 146].

В целом под наднациональным правом предлагается понимать совокупность правовых норм, полученных в результате выработки единого регулирования тех или иных вопросов в рамках интеграционных образований, и имеющих большую юридическую силу, чем акты национального законодательства соответствующих государств [3, с. 294].

С целью выполнения основных направлений, целей и принципов ЕАЭС было разработано Приложение № 15 «Протокол о мерах, направленных на проведение согласованной валютной политики» к Договору о ЕАЭС (далее – Приложение № 15), которое предусматривает меры и этапы по ведению согласованной валютной политики стран ЕАЭС. В дополнение к этому Приложение регламентирует применение участниками союза валютных ограничений.

Пункт 2 Приложения № 15 дает определение «валютным ограничениям»: «...установленные международными договорами и актами, составляющими право Союза, или валютным законодательством государств-членов ограничения на валютные операции, выраженные в их прямом запрете, лимитировании объемов, количества и сроков проведения, валюты платежа, в установлении требований по получению специальных разрешений (лицензий) на их проведение, резервированию части, всей суммы или суммы, кратной всей сумме проводимой валютной операции, а также ограничения, связанные с открытием и ведением счетов на территориях государств-членов, и требования об обязательной продаже иностранной валюты».

Государства после вступления в силу Договора о ЕАЭС не имеют право вводить ограничения на срок более 1 года без необходимых на то

причин. К таким исключительным случаям в соответствии с подп. 2 п. 13 Приложения № 15 относятся:

1) возникновение обстоятельств, при которых осуществление мер либерализации может повлечь ухудшение экономической и финансовой ситуации в государстве-члене;

2) негативное развитие ситуации в платежном балансе, следствием которого может стать снижение золотовалютных резервов государства-члена ниже допустимого уровня;

3) возникновение обстоятельств, при которых осуществление мер либерализации может нанести ущерб интересам безопасности государства-члена и препятствовать поддержанию общественного порядка;

4) резкие колебания курса национальной валюты государства-члена.

Однако даже при наличии закрепленного положения о постепенной отмене валютных ограничений в Договоре о ЕАЭС практика показывает, что законодательство государств-участников ЕАЭС допускает валютные ограничения.

В Российской Федерации использование иностранной валюты и проведение валютных операций подлежит регулированию Федеральным законом от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (далее – ФЗ № 173).

Что касается валютных ограничений для субъектов валютных операций, то в соответствии со ст. 6 ФЗ № 173 валютные операции между резидентами и нерезидентами осуществляются без ограничений, за исключением валютных операций, предусмотренных ст. 7, 8 и 11 ФЗ № 173. При этом ст. 7, 8, 11 ФЗ № 173 были отменены после принятия Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 131-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле».

Российская Федерация движется в направлении либерализации и постепенной отмены каких-либо ограничений по использованию иностранной валюты. В 2013 году в Российской Федерации было отменено ограничение на открытие резидентами счетов в иностранной валюте в банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации (подп. а п. 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон о валютном регулировании и валютном контроле» от 2 июля 2013 г. № 155-ФЗ). Также в соответствии со ст. 14 ФЗ № 135 резиденты имеют право открывать в уполномоченных банках счета в иностранной валюте.

В 2018 г. был отменен паспорт сделки посредством принятия Центральным Банком Российской Федерации Инструкции от 16 августа 2017 г. № 181-И «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций, о единых формах учета и отчетности по валютным операциям, порядке и сроках их представления» (далее – Инструкция № 181-И). Теперь в соответствии с п. 5.1 Инструкции № 181-И предполагается постановка всех экспортных/импортных контрактов на учет в банках. Таким образом, такое валютное ограничение не было фактически отменено, а видоизменено. Теперь регистрации подлежит не отдельный документ, а сам договор.

Что касается ограничения, связанного с возвратом валютной выручки, то ст. 21 ФЗ № 173 об обязательной продаже части валютной выручки на внутреннем валютном рынке Российской Федерации не действует с 2007 г.

С 1 января 2020 г. в связи со вступлением в силу Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле»» вводится поэтапная отмена требований о репатриации резидентами экспортной выручки в отношении внешнеторговых контрактов, сумма обязательств по которым определена в валюте Российской Федерации и условиями которых предусмотрена оплата в валюте Российской Федерации в отношении экспорта сырьевых товаров (нефти и нефтепродуктов, природного газа, отходов и лома металлов, драгоценных камней) в следующем порядке:

с 1 января 2020 года – в отношении не более 10% суммы внешнеторгового контракта;

с 1 января 2021 года – в отношении не более 30% суммы внешнеторгового контракта;

с 1 января 2022 года – в отношении не более 50% суммы внешнеторгового контракта;

с 1 января 2023 года – в отношении не более 70% суммы внешнеторгового контракта;

с 1 января 2024 года – в отношении всей суммы внешнеторгового контракта.

Также будет отменено требование о репатриации резидентами экспортной выручки в отношении внешнеторговых контрактов, сумма обязательств по которым определена в валюте Российской Федерации и

условиями которых предусмотрена оплата в валюте Российской Федерации, в отношении иных несырьевых товаров, за исключением товаров некоторых категорий, соответствующих определенным кодам единой ТН ВЭД ЕАЭС (например, древесины, древесного угля, лесоматериалов).

Таким образом, на данный момент в Российской Федерации, несмотря на тенденцию постепенной отмены валютных ограничений, сохраняются валютные ограничения при проведении международных расчетов в иностранной валюте.

В Республике Беларусь действует целая система мер валютного контроля в отношении внешнеторговых контрактов:

- обязательность внесения определенных условий в гражданско-правовой договор, которым опосредуется торговая сделка между резидентом и нерезидентом (подпункт 1.16.4 пункта 1 Указа Президента Республики Беларусь от 27 марта 2008 г. № 178 «О порядке проведения и контроля внешнеторговых операций» (далее – Указ № 178));

- регистрация внешнеторгового договора в банке (подпункт 1.11 пункта 1 Указа № 178; гл. 4 Инструкции о порядке регистрации сделки и выполнении банками и небанковскими кредитно-финансовыми организациями функций агентов валютного контроля, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 16.04.2009 № 46 (далее – Инструкция № 46));

- обязательное предоставление документов валютного контроля в банки и государственные органы (подпункт 1.16.1 пункта 1 Указа № 178; гл. 3 Инструкции № 46; пункт 1 постановления Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 26 января 2012 г. № 2 «О некоторых вопросах статистического декларирования товаров»);

- обязательное уведомление обслуживающего банка, в котором регистрировалась внешнеэкономическая сделка, в случае завершения всех операций по данной сделке (подп. 1.16.1 п. 1 Указа № 178).

Необходимо отметить, что обязательная продажа части валютной выручки в Республике Беларусь была отменена с 3 августа 2018 г. (Указ Президента Республики Беларусь от 31 июля 2018 г. № 301 «Об отмене обязательной продажи иностранной валюты»).

В течение 2019 г. произошла определенная либерализация правил проведения валютных операций, в связи с чем изменились условия регистрации внешнеэкономической сделки в обслуживающем банке.

Главным изменением явилась отмена для юридических лиц разрешительного порядка проведения валютных операций. С 1 марта 2019 г. валютные операции, связанные с движением капитала, для осуществления которых ранее необходимо было получить разрешение Национального банка Республики Беларусь, теперь проводятся в регистрационном порядке (п. 18 Правил проведения валютных операций, утвержденных постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 30.04.2004 № 72).

Таким образом, отмечается стабильность процесса либерализации валютного регулирования, хотя он происходит довольно медленно. Самой значимой мерой стала отмена обязательной продажи валюты.

В Республике Армения валютное регулирование осуществляется Законом Республики Армения от 24.11.2004 г. № ЗР-135 «О валютном регулировании и валютном контроле» (далее – Закон Армении № 135). Так в соответствии с п. 1 ст. 4 Закона Армении № 135 какое-либо ограничение на осуществление текущих валютных сделок применяться не может. При этом законодатель не проводит классификацию сделок на текущие или сделки с движением капитала, т.к. такая классификация становится просто ненужной.

Что касается субъектов валютных операций, то в соответствии с п. 3 ст. 4 Закона Армении № 135 резиденты могут осуществлять валютные сделки без ограничений за пределами территории Республики Армения в соответствии с законодательством иностранных государств.

Операции с валютными ценностями в соответствии с п. 1 ст. 5 Закона Армении № 135 совершаются без ограничений. Также нет указания на регистрацию импортных/экспортных контрактов.

Помимо этого в соответствии с п. 1 ст. 7 Закона Армении № 135 на территории Республики Армения резиденты и нерезиденты имеют право осуществлять куплю-продажу иностранной валюты без ограничений на условиях прямого или рассроченного платежа.

Таким образом, законодательство Республики Армения об использовании иностранной валюты максимально либерально в части осуществления международных расчетов с использованием иностранной валюты, направлено на привлечение капитала, иностранных инвестиций и подходит для осуществления свободной торговли с использованием иностранной валюты. Из этого также можно сделать вывод о том, что

положения валютного законодательства Республики Армения не противоречат положениям Приложения № 15 Договора о ЕАЭС.

Что касается использования иностранной валюты в Кыргызской Республике, то регулирование осуществляется Законом Кыргызской Республики от 16 декабря 2016 г. № 206 «О Национальном банке Кыргызской Республики, банках и банковской деятельности» (далее – Закон Кыргызстана № 206). Что касается расчетов и платежей в иностранной валюте, то п. 1 ст. 36 Закона Кыргызстана № 206 не устанавливает ограничений на проведение таких операций. Пункт 1 ст. 38 Закона Кыргызстана № 206 также не устанавливает ограничений на проведение операций с движением капитала: «поступления и переводы капитала из-за границы и за границу не ограничиваются».

При этом п. 2 ст. 38 Закона Кыргызстана № 206 устанавливает, что Национальный банк вправе ограничивать переводы денежных средств и капиталов в целях выполнения Кыргызской Республикой международных обязательств и защиты экономической безопасности Кыргызской Республики. Такое положение допустимо и схоже с исключительными случаями введения валютных ограничений, закрепленных в Договоре о ЕАЭС.

Что касается перемещений валютных ценностей, то здесь также нет ограничений: перемещение (ввоз и вывоз) иностранной валюты из-за границы и за границу, а также перемещение валютных ценностей, не являющихся валютой, не ограничиваются при условии их декларирования в пунктах таможенного контроля в соответствии с таможенным законодательством (ст. 37 Закона Кыргызстана № 206).

Обменные операции по купле/продаже иностранной валюты в соответствии с п. 2 ст. 39 Закона Кыргызстана № 206 также не ограничиваются. То же касается и репатриации валютной выручки.

Однако, несмотря на отсутствие большинства валютных ограничений, открытие счетов за пределами Кыргызской Республики осуществляется в разрешительном порядке. Так п. 1 ст. 39 Закона Кыргызстана № 206 предусматривает, что резиденты Кыргызской Республики обязаны регистрировать в Национальном банке счета и вклады, открываемые за пределами Кыргызской Республики.

Таким образом, законодательство Кыргызской Республики в области использования иностранной валюты, так же как и в Республике Армения, значительно либеральнее, чем законодательство остальных стран ЕАЭС. В

Кыргызской Республике на сегодняшний день присутствует только одно валютное ограничение, связанное с открытием счетов за пределами территории страны, которое осуществляется в разрешительном порядке.

Что касается Республики Казахстан, то использования иностранной валюты здесь регламентировано Законом Республики Казахстан от 13 июня 2005 г. № 57-III «О валютном регулировании и валютном контроле» (далее – Закон Казахстана № 57-III), а также Правил осуществления валютных операций в Республике Казахстан, утвержденных постановлением Правления Национального Банка Республики Казахстан от 28 апреля 2012 г. № 154 (далее – Правила № 154).

Валютные операции между резидентами и нерезидентами осуществляются в соответствии со ст. 14 Закона Казахстана № 57-III по соглашению сторон в соответствии с валютным законодательством Республики Казахстан. При этом п. 4 ст. 14 Закона Казахстана № 57-III гласит о том, что если в отношении валютных операций, указанных в ст. 20-24 Закона Казахстана № 57-III, не установлены режимы валютного регулирования, валютные операции между резидентами и нерезидентами осуществляются без ограничений в порядке, установленном Национальным Банком Республики Казахстан, который вправе установить режим уведомления. Операции, предусмотренные в ст. 20-24 Закона Казахстана № 57-III, являются операциями, связанными с движением капитала. Все они подлежат валютному ограничению, так как имеют разрешительный или уведомительный порядок (п. 3 ст. 20, ст. 21, п. 1 ст. 22, п. 1 ст. 23, п. 2 ст. 24 Закона Казахстана № 57-III).

Еще одно валютное ограничение связано со счетами резидентов, открытыми в иностранной валюте в Республике Казахстан. В соответствии с п. 2 ст. 25 Закона Казахстана № 57-III они открываются в уведомительном порядке.

Разрешительный и уведомительный режим совершения валютных операций установлен Правилами № 154.

Например, п. 16 Правил № 154 закрепляет, что юридические лица (за исключением уполномоченных банков и уполномоченных организаций) покупают и продают иностранную валюту на внутреннем валютном рынке через уполномоченные банки на основании заявки на покупку или продажу иностранной валюты. При этом п. 17 Правил № 154 определяет, что при покупке валюты необходимо указывать цель и сумму иностранной

валюты. Это также говорит о наличии валютного ограничения по целевой покупке иностранной валюты.

Источниками правового регулирования международных расчетных отношений являются:

- международные соглашения;
- документы международных организаций;
- национальное законодательство;
- *lex mercatoria*.

В зависимости от субъектов, создающих регулирующие нормы, можно определить, что международные расчетные отношения регулируются на трех уровнях: международном, национальном и межсубъектном. Последний уровень правового регулирования уже неоднократно выделялся в литературе как самостоятельный, о чем будет сказано ниже.

Международный уровень правового регулирования и унификации представлен, в первую очередь, международными конвенциями (Конвенция ООН о независимых гарантиях и резервных аккредитивах; Конвенция о единообразном законе о переводном и простом векселе; Конвенция о разрешении некоторых коллизий законов о переводных и простых векселях; Конвенции о гербовом сборе в отношении простых и переводных векселей).

Отдельные формы расчетов регулируются посредством актов так называемого «мягкого права» (Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международных кредитовых переводах 1992 г., Правовое руководство ЮНСИТРАЛ по электронному переводу средств 1997 г.). Рассматриваемые акты мягкого права являются результатом неофициальной кодификации Комиссией ООН по праву международной торговли, что обуславливает их правовую природу.

Помимо этого, нормы документов, разрабатываемых международными организациями с целью урегулирования международных расчетных отношений, образуют еще один регулирующий источник: *lex mercatoria* (UCP 600 и URC 522). К. Шмиттхофф определил унифицированные правила как обычай (*usage*) международной торговли, подчеркнув тем самым сложность определения их юридической силы [4, р. 229 - 230].

Помимо международного уровня, регулирование и унификация международных расчетов проводится на национальном уровне. Например,

в Республике Беларусь регулирование осуществляется посредством банковского законодательства, в Российской Федерации, Украине, Казахстане – гражданского законодательства.

Еще одним уровнем правовой унификации международных расчетных отношений является межсубъектный уровень. Он представлен межбанковскими соглашениями, к которым, например, относятся: Соглашение между Центральным Банком Российской Федерации и Национальным Банком Таджикистана от 13 февраля 1997 г. «Об организации расчетов», Соглашение между Национальным Банком Украины и Национальным Банком Республики Грузия от 13 апреля 1993 г. «Об организации расчетов», Соглашение между Банком Республики Армения и Национальным Банком Украины от 8 октября 1992 г. «Об организации расчетов» и др. Межбанковские соглашения предусматривают положения о возможной валюте платежа, содержат инструкции для банков по проведению межгосударственных расчетов, а также регулируют отношения между банками и частными субъектами хозяйствования.

Регулирование международных расчетных отношений на различных уровнях приводит к выводу об отсутствии необходимости во внедрении новых форм расчета.

ЕАЭС. Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 1 сентября 2015 г. № 110 был одобрен проект Соглашения о согласованных подходах к регулированию валютных правоотношений и принятии мер либерализации.

Страны-участницы одобрили международное соглашение и частично реализовали его положения.

Согласно его нормам резиденты стран ЕАЭС могут без ограничений открывать счета (вклады) в иностранной и национальной валюте в банках других государств союза и осуществлять по ним операции в порядке, установленном законодательством той страны, в которой открыты эти счета. При этом не требуется получение разрешений на открытие таких счетов и проведение валютных операций между резидентами государств ЕАЭС.

Согласно ст. 5 проекта соглашения в государствах – членах не должно быть требований об обязательной продаже иностранной валюты для своих резидентов. Также не должны применяться валютные ограничения в отношении ряда валютных операций, в т.ч. по расчетам между

резидентами разных стран – членов ЕАЭС за товары, работы, услуги, передачу информации в пределах таможенной территории Союза, по операциям, связанным с движением капитала (покупка ценных бумаг, получение и погашение кредитов, покупка недвижимости), переводам денежных средств, осуществляемым физическими лицами в пределах таможенной территории Союза.

Порядок проведения валютных операций устанавливается валютным законодательством государства – члена, на территории которого проводится валютная операция, если иное не предусмотрено Соглашением.

Соглашение также предусматривает гармонизацию административной и уголовной ответственности за нарушение валютного законодательства, в т.ч. за незаконные валютные операции, несоблюдение сроков репатриации денежных средств, подлежащих обязательному перечислению в местные банки, непредставление или несоблюдение установленных порядка и (или) сроков представления требуемых информации, документов, форм учета и отчетности.

Анализируя наличие валютных ограничений в законодательстве стран ЕАЭС, мы пришли к выводу о том, что только в Республике Армения в полном объеме отсутствуют какие-либо ограничения. Валютные ограничения не способствуют осуществлению унификации законодательства в рамках ЕАЭС. В связи с тем, что положения Договора о ЕАЭС запрещают какие-либо ограничения на уровне национального законодательства, считаем, что Республике Беларусь, Российской Федерации, Республике Казахстан, Кыргызской Республике необходимо ускорить отмену каких-либо валютных ограничений посредством принятия соответствующих изменений в валютное законодательство.

Анализ мер валютного контроля в странах – членах ЕАЭС показал, что преимущественно используется модель правового регулирования, при которой международные документы применяются субсидиарно по сравнению с нормами национального законодательства. Полагаем, что такая модель регулирования не позволяет странам ЕАЭС осуществить унификацию и гармонизацию законодательства на нужном для интеграционного объединения уровне.

Список источников:

1. Бекашев К. А. ЕАЭС: международная (межгосударственная) организация или международное (межгосударственное) интеграционное

объединение? / К. А. Бекашев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=22671409>. – Дата доступа: 16.08.2019.

2. Даргель, В. Соотношение наднационального и межнационального начал в Евросоюзе / В. Даргель // Власть. – 2011. – № 10. – С. 146–150.

3. Татарская, А. Е. Соотношение национального и наднационального права в условиях глобализации на примере Республики Беларусь / А. Е. Татарская // Диалог культур в эпоху глобальных рисков: мат-лы Междунар. науч. конф. и X научно-теоретич. семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», Минск, 17-18 мая 2016. – В 2 ч. Ч. 2. – Минск: БГУ, 2016. – С. 293-295.

4. Schmitthoff, C. International and procedural aspect of letters of credit / C. Schmitthoff. – Boston : The Law of International Trade Finance, 1989. 798 p.

ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ ПРИ ГАРМОНИЗАЦИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРАВА ГОСУДАРСТВ- ЧЛЕНОВ ЕАЭС

О. М. Куницкая

*Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь, volhakin@mail.ru*

Аннотация. В статье освещены некоторые проблемы защиты интересов хозяйствующих субъектов при гармонизации энергетического права государств-членов Евразийского экономического союза в связи с необходимостью развития договорно-правовой базы общего электроэнергетического рынка. С учетом различий в организации электроэнергетических рынков государств-членов и в целях создания действительно эффективного рыночного пространства необходимо разработать и внедрить систему взаимоотношений, учитывающую интересы хозяйствующих субъектов государств-участников с учетом специфики самой отрасли. Разделение конкурентных и неконкурентных видов деятельности в электроэнергетике потребует разработки и согласования общих правил на уровне ЕАЭС и внесение в соответствие с ними изменений в законодательство государств-членов ЕАЭС. При этом

следует учитывать особенности правового статуса субъектов естественных монополий, ограничения по распространению на них норм законодательства об экономической несостоятельности (банкротстве), проблемы функционирования единообразных механизмов регулирования экономики.

Ключевые слова: хозяйствующие субъекты, гармонизация энергетического права, общий электроэнергетический рынок, субъекты естественных монополий, банкротство.

PROTECTION OF INTERESTS OF ECONOMIC ENTITIES UNDER HARMONIZATION OF ENERGY LAW OF MEMBER STATES OF EAEU

O. M. Kunitskaya

*Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus, volhakun@mail.ru*

Summary. The article highlights some of the problems of protecting the interests of business entities while harmonizing the energy law of the member states of the Eurasian Economic Union due to the need to develop the legal framework of a common electricity market. Taking into account the differences in the organization of the electricity markets of the member states and in order to create a truly efficient market space, it is necessary to develop and implement a system of relationships that takes into account the interests of the economic entities of the member states taking into account the specifics of the industry itself. Separation of competitive and non-competitive activities in the power industry will require the development and harmonization of general rules at the EAEU level and the introduction of amendments to the legislation of the EAEU member states. This should take into account the peculiarities of the legal status of subjects of natural monopolies, restrictions on the extension of the norms of legislation on economic insolvency (bankruptcy) to them, problems of functioning of uniform mechanisms of economic regulation.

Keywords: economic entities, harmonization of energy law, common electricity market, natural monopolies; bankruptcy.

В связи с формированием единого экономического пространства в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) актуальность приобретает необходимость развития договорно-правовой базы энергетической безопасности и надежности энергетических систем государств-участников общего электроэнергетического рынка ЕАЭС.

Договором о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. [1] (далее – Договор о ЕАЭС) определены основные принципы создания нормативно-правовой базы общих энергетических рынков ЕАЭС. В сфере электроэнергетики согласно ст. 81 Договора о ЕАЭС и Концепции формирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС, утвержденной решением Высшего Евразийского экономического совета 08.05.2015 г. № 12 [2], рынок электроэнергетики создается на основе параллельно работающих электроэнергетических систем и будет характеризоваться едиными техническими нормами и правилами, наличием согласованных балансов энергоресурсов.

Программой формирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС, утвержденной решением Высшего Евразийского экономического совета 26 декабря 2016 г. № 20 [3], предусмотрено к июлю 2019 года создать условия для организации централизованных торгов электроэнергией, а также торговли по свободным двухсторонним договорам.

В соответствии с Договором о ЕАЭС государства – члены должны заключить международный договор о формировании общего электроэнергетического рынка ЕАЭС. Международный договор подготовлен и утвержден Распоряжением Коллегии ЕЭК от 07.09.2018 г. № 142 в форме Протокола о внесении изменений в Договор о ЕАЭС в части формирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС [4] и станет приложением к нему. Протокол определяет правовые основы и принципы формирования, функционирования и развития общего электроэнергетического рынка ЕАЭС, устанавливает сферы, которые будут урегулированы правилами его функционирования, органы и организации, которые осуществляют управление и обеспечивают функционирование общего электроэнергетического рынка ЕАЭС, а также участников, инфраструктурные организации и способы торговли электрической энергией.

Указанные предписания свидетельствуют о необходимости обеспечения гармонизации внутреннего законодательства государств-

членов ЕАЭС. Гармонизация национального права государств-членов интеграционных объединений означает обязательство государства при разработке национального законодательства следовать определенному направлению (принципу) правового регулирования, сформулированному в международном соглашении, определяя содержание нормы или системы норм правового регулирования, а также их место в своей правовой системе в соответствии с законодательной компетенцией, основанной на конституции [5]. При этом в правовое регулирование общественных отношений вносится тот или иной новый элемент: принимается новая юридическая норма, конкретизирующая, дополняющая, развивающая первоначальную в заданном ею направлении; принимается конкретизирующая юридическая норма, вносящая изменения в первоначальную норму; принимается юридическая норма, отменяющая прежнюю или приостанавливающая ее действие; разрешаются правовые коллизии; восполняются пробелы [6, с. 76-77].

В настоящее время в государствах ЕАЭС функционируют различные модели рынков электроэнергии. Различия в нормативно-правовой базе организации электроэнергетических рынков государств-членов не позволяют в полной мере использовать преимущества параллельной работы энергосистем, оперативно реагировать на рыночную ситуацию. В целях создания действительно эффективного рыночного пространства на базе отличных друг от друга рынков государств-членов ЕАЭС необходимо разработать и внедрить систему взаимоотношений, учитывающую интересы хозяйствующих субъектов государств-участников с учетом специфики самой отрасли [7, с. 35].

С целью решения указанной задачи необходимо, в первую очередь, однозначно решить в законодательстве некоторых стран-участниц вопрос о торговле мощностью в рамках общего электроэнергетического рынка ЕАЭ. Это сделано, например, в Российской Федерации, где в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 26.03.2003 г. №35-ФЗ «Об электроэнергетике» [8] мощность является самостоятельным товаром. Отсутствие определенности по данному вопросу может существенно замедлить как формирование общего рынка, так и затруднить решение вопроса об обеспечении равенства прав хозяйствующих субъектов в сфере электроэнергетики.

Помимо указанного, нормы законодательства стран-участниц ЕАЭС, определяющие сферы естественных монополий в государствах-членах

ЕАЭС, различаются. В Кыргызской Республике к таким сферам отнесено, в частности, производство и продажа электрической энергии, а в Республике Армения – услуги по распределению электрической энергии и услуги расчетного центра. В настоящее время энергетическая отрасль в Республике Беларусь является естественной монополией, включающей вертикаль всех видов экономической деятельности, в том числе производство электрической и тепловой энергии, ее передачу и распределение, а также сбыт. Изменения, которые следует реализовать в белорусской энергосистеме, должны быть сведены к отказу от монополии государства в генерации электроэнергии, но при ее сохранении на транспортировку и сбыт электроэнергии.

Создание правовой основы для разделения конкурентных и неконкурентных видов деятельности в энергетике потребует разработки и согласования общих правил на уровне ЕАЭС и внесение в соответствие с ними изменений в законодательство государств-членов ЕАЭС.

В Республике Беларусь пока не принят закон об электроэнергетике, который должен создать правовую базу рынка электроэнергии. Имеющийся законопроект «Об электроэнергетике» определяет электроэнергетику как часть топливно-энергетического комплекса Республики Беларусь, включающую отношения, возникающие в процессе производства (в том числе производства в режиме комбинированной выработки электрической и тепловой энергии), передачи, распределения, продажи электрической энергии с использованием объектов электроэнергетики, входящих в объединенную энергетическую систему Республики Беларусь, принадлежащих на праве собственности или ином законном основании субъектам электроэнергетики или иным юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, физическим лицам, а также оперативно-диспетчерского управления в электроэнергетике.

Проект Закона устанавливает общие положения функционирования оптового и розничного электроэнергетических рынков, способы централизованной и (или) децентрализованной торговли электрической энергией, формы и виды договоров купли-продажи или договоров электроснабжения в соответствии с правилами розничного электроэнергетического рынка Республики Беларусь, субъектный состав в зависимости от осуществляемого вида экономической деятельности.

Механизм государственного регулирования сохранится, в соответствии с которым цены (тарифы) на товары (работы, услуги)

устанавливаются на уровне, обеспечивающем субъектам электроэнергетики возмещение экономически обоснованных затрат, налогов и неналоговых платежей и получение необходимой прибыли, включающей в том числе, инвестиционную составляющую для финансирования программы.

Свободные цены на оптовом и розничном рынках предполагается применять лишь в отношении части электроэнергии, которая не охвачена регулированием. Правительство по-прежнему будет регулировать цены на электроэнергию для физических лиц.

Также встает вопрос об особенностях правового статуса субъектов естественных монополий. В первую очередь он заключается в том, что они действуют в тех сферах рынка услуг, при котором создание конкурентных условий для удовлетворения спроса на определенный вид услуг невозможно или экономически нецелесообразно в силу технологических особенностей производства и предоставления данного вида услуг [9]. Соответственно в силу того, что такие субъекты, по сути, являются незаменимыми, единственными и необходимыми, становится обоснованной важность установления на законодательном уровне специальных правил, регулирующих особенности банкротства субъектов естественных монополий.

Законодательство Республики Беларусь предусматривает положение, согласно которому в отношении субъектов естественных монополий, законодательство об экономической несостоятельности (банкротстве) не применяется [10]. Тем не менее, установлены правила для руководителя организаций, собственника имущества унитарного предприятия, учредителей (участников) юридического лица, относящихся к данной сфере, а также государственных органов в пределах своей компетенции своевременно принимать меры по предупреждению экономической несостоятельности (банкротства), осуществлять меры по улучшению финансового состояния субъектов естественных монополий, созданию условий для их стабильной и эффективной хозяйственной (экономической) деятельности. Правительство Республики Беларусь вправе предоставлять отсрочку исполнения гражданско-правовых обязательств (мораторий) в целях обеспечения условий для стабильной и эффективной деятельности субъектов естественных монополий.

Иных особенностей правового регулирования экономической несостоятельности (банкротства) в отношении субъектов естественных

монополий белорусское законодательство не содержит. Между тем, в свете стратегической важности энергетики в устойчивом развитии Республики Беларусь [11] в целях гибкого реагирования на развитие социально-экономических условий, а также в связи с тем, что в целом стратегия устойчивого энергетического развития Республики Беларусь соответствует мировым тенденциям [12] требуется оптимизация законодательства в сфере энергетики по данному вопросу. Разделение в ходе реформы электроэнергетики видов деятельности на естественно монопольные (передача электроэнергии, оперативно-диспетчерское управление) и потенциально конкурентные (производство и сбыт электроэнергии) должны иметь своим итогом упразднение вертикально-интегрированных организаций, в настоящее время осуществляющих весь электроэнергетический цикл от генерации до сбыта, и изменение структуры электроэнергетического рынка: создание оптового рынка и розничных рынков электрической энергии, образование новых субъектов электроэнергетики.

Возникнет вопрос о переосмыслении подходов к регулированию банкротства субъектов электроэнергетики, осуществляющих конкурентные виды деятельности.

При таких обстоятельствах сложно говорить о полноценном создании условий для развития конкуренции применительно к отдельным видам деятельности в электроэнергетическом цикле. Соответственно актуальным станет вопрос о внесении изменений и дополнений в законодательство об экономической несостоятельности (банкротстве), касающихся установления особенностей осуществления ее процедур.

По нашему мнению, на те виды деятельности, которые будут выделены как конкурентные виды деятельности в сфере электроэнергетики (производство и сбыт электроэнергии), ограничений по распространению на них норм законодательства об экономической несостоятельности (банкротстве) быть не должно. В противном случае цели рыночных преобразований, справедливого и равного участия субъектов хозяйствования на электроэнергетических рынках не могут быть достигнуты.

Ключевая особенность участия хозяйствующих субъектов Республики Беларусь в общем электроэнергетическом рынке ЕАЭС обусловлена важностью создания общего электроэнергетического рынка после формирования общего рынка газа в ЕАЭС, поскольку без создания единого

рынка газа в интеграционном объединении невозможно создать конкурентный рынок электроэнергии. Только в условиях единых цен на газ с российскими потребителями, белорусская электроэнергетика может успешно конкурировать на общем рынке в ЕАЭС. Поэтому процессы создания общих рынков газа и электроэнергии должны проходить хотя бы максимально одновременно.

Общим условием гармонизации норм права стран-участниц ЕАЭС должно стать функционирование единообразных механизмов регулирования экономики, основанных на рыночных принципах. В формате ЕАЭС необходимо разработать и имплементировать действенные механизмы электроэнергетического сотрудничества, единые и справедливые методы правового регулирования функционирования общего энергетического рынка.

Список источников:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: [подписан в г. Астане 29.05.2014 г.] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=12551> &p0=F01400176&p1=1. – Дата доступа: 02.03.2019.

2. О Концепции формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]: решение Высшего Евразийского экономического совета, 8 мая 2015 г., № 12 // Правовой Интернет-портал Евразийского экономического союза. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0147677/scd_12052015_12. – Дата доступа: 06.03.2019.

3. О Программе формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]: решение Высшего Евразийского экономического совета, 26 дек. 2016 г., № 20 // Правовой Интернет-портал Евразийского экономического союза. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act.pdf>. – Дата доступа: 06.03.2019.

4. О проекте Протокола о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (в части формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза): Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии, 7 сент. 2018 г. № 142 // Национальный правовой

Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru>. – Дата доступа: 06.03.2019

5. Доронина, Н. Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции / Н.Г. Доронина // Журнал российского права. – 1998. – № 6. – С. 58-60.

6. Залоило, М. В. Понятие и формы конкретизации юридических норм / М.В. Залоило: дисс. канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2011. – 196 с.

7. Белова, О.С. Особенности международно-правового регулирования сотрудничества государств – участников СНГ и Евразийского экономического союза в сфере электроэнергетики / О.С. Белова // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 8(99). – С. 34-37.

8. Об электроэнергетике [Электронный ресурс]: Федер. закон, 26 марта 2003 г., № 35-ФЗ, в ред. Федер. закона от 30.03.2016 г., № 74-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.

9. О естественных монополиях: Закон Республики Беларусь, 16 дек. 2002 г., № 162-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10200162>. – Дата доступа: 02.03.2019.

10. Об экономической несостоятельности (банкротстве): Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г. № 415-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11200415>. – Дата доступа: 02.03.2019.

11. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2030 года: одобрена Президиума Совета министров Респ. Беларусь, 2 мая 2017 г., №10 // Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files>. – Дата доступа: 02.03.2019.

12. Зорина, Т. Г. Стратегия устойчивого развития энергетики Республики Беларусь: анализ и основные тенденции / Т. Г. Зорина // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / пред. редкол. С. Ю. Солодовников. – Минск : БНТУ, 2017. – Вып. 5. – С. 189.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Газдюк Н.Ю. Унификация и гармонизация корпоративного права государств-членов ЕАЭС в контексте обеспечения свободы учреждения, деятельности и осуществления инвестиций.....	3
Кугейко И.Н. Применение права всемирной торговой организации Судом Евразийского экономического союза.....	12
Кудрявец Ю.Н. Готовность национального законодательства к наднациональному регулированию в рамках ЕАЭС.....	20
Куницкая О.М. Защита интересов хозяйствующих субъектов при гармонизации энергетического права государств–членов ЕАЭС.....	33